

Течет вода — из водостока,
течет все утро и весь день.
Я в этот мир пришел до срока
и, грянет срок, уйду, как тень.

Какая боль, какое горе,
какой удар, какая грусть!
Но я еще с бедой поспорю, —
на землю лебедем вернусь.

Крылами раздвигая просинь,
где вихрь о ливне возвестил,
я всех прощу, кто в горе бросил,
и вспомню всех, кого любил.

И вот тогда, как птица Феникс, —
цветущей розой полевой
восстанешь ты из черной тени
и станешь для меня звездой.

Ударит гром! За синим лесом
взбуравят струи чернозем,
но, словно круговым навесом,
прикрою я звезду крылом.

Мы встретимся на звездном поле,
меня ты только позови!
И ни страдания, ни боли —
лишь жажда солнечной любви.

* * *

Глухая ночь черна, как омут,
где воды тяжелей свинца...
Прильнула ты ко мне, живому,
отпрянула от мертвеца.

Испуганный, полночный крик
квартиру разорвал на части —
и разлетелось в тот же миг
построенное нами счастье.

Молчал угрюмо мир подлунный,
и холодом несло от тела.
Из зеркала — седа, безумна —
старуха на тебя глядела...

* * *

Забыв, оболган, не привечен.
Но до чего же ночь ясна:
на небесах мерцают свечи,
лампадкой светится луна.

Осела муть, опала пена,
пыль улеглась, дышать легко,
и звездный свет шуршит, как сено,
течет, как птичье молоко.

В пылу крутого разговора
была рука близка к ножу...
Но — ни страданья, ни укора
теперь в себе не нахожу.

Мне в час такой любовь виднее,
и — буду верить, что уже
не станет хуже и больнее
твоей душе — в моей душе.

* * *

Зачирикали воробушки,
красногрудки засвистели.
Будто щеки у зазнобушки,
облака порозовели.

Но душа моя расстроена,
грусть-тоска ее замучила.
Будто коршуны да вороны
надо мною вьются тучами.

Укажи, моя хорошая,
путь-дорожку в край неведомый,
где любовь не запорошена
ни снегами и ни бедами.

ПРОЩАНИЕ

Гляжу печально из-за шторы
больницы бедной, хуторской.
Густой туман укутал горы
и лес сосновый за рекой.

Насупились по-бычьи тучи,
вот-вот разверзнется гроза.
И ринется поток могучий
на поймы, роци и леса.

Листвы пожухлые остатки,
прах насекомых, мусор лет —
все унесется без оглядки
скупому времени вослед.

Мир осиянный, сокровенный
взойдет, как ясная звезда.
Вот только я уже, наверно,
в грозе останусь — навсегда.

ПОЦЕЛУЙ СМЕРТИ

В долине, не найдя опору,
чтоб не ломаться, как тростник, —
я на заре всхожу на гору
по листьям палым напрямик.

Скользят на мокрых камнях ноги,
едва не падая, — держусь
за можжевельник невысокий,
глазам знакомый наизусть...

Нещадно сорвано дыханье,
в груди по ребрам сердце бьет,
из-под волос, как в долгой бане,
течет тяжелый, горький пот.

В глазах темнеет все сильнее,
и все же, словно сердцу враг,
из сил последних поскорее
последний совершаю — шаг...

Шатаясь, на вершине самой,
стою и вижу как впервой —

и жизни вечной панораму,
и смерти образ неземной.

Но славься, жизнь, на белом свете,
где я не только ветру люб...
И поцелуй холодный смерти
стираю я с горячих губ.

* * *

Прости! Ни словом, ни поступком
не мыслил я тебя обидеть.
Но вот обидел не на шутку —
и сам себя возненавидел!

Теперь хожу вслед за тобою,
в глазах — печаль, в душе — тревога.
И нет ни слова за душою, —
хоть плачь и обращайся к Богу!

А ты — подсказывать не будешь, —
вся из себя — то лед, то пламя!
И все-таки я верю в чудо —
в любовь большую между нами.

Я рушил сам любовь без правил,
теперь сам заново отстрою,
хоть мне на это Бог оставил
лишь пепел, смешанный с золою...

* * *

Птицы вечности реют повсюду
и в небесные трубы трубят! —
Молча слушаю, мою посуду,
ты не слышишь, ты моешь ребят.

Мы оглохли от хриплых и разных
свистунов на руинах основ,
от пророков ленивых и праздных,
извращающих истинность слов.

Жить и жить бы спокойно и тихо
в мирозданьи, где есть тополя,
где цветет-доцветает гречиха,
дышат свежестью меда поля.

Мельник с неба просыплет мучицы:
мы и сыты, и с хлебом живем...
Птицы вечности, вечные птицы,
я не знаю, что в сердце моем.

Только ходики слышатся в доме,
только тени мерцают хитро.
И всю ночь я держу на ладони
прядь волос — золотое перо.

* * *

Пришел с полей, развел огонь,
поставил чай, нажарил сала.
И прыгал в печке рыжий конь,
и сыпал искры в поддувало.

Сорвался ветер с высоты,
завыл-заплакал неотложкой.
И поздний луч сверкнул, как ты
своей серебряной сережкой.

Я прыгнул к двери — заходи!
Ну что же ты, входи, не мешкай!
И — снег растаял на груди
обыкновенною насмешкой.

Всю ночь горел в печи огонь,
малиново светилась дверца...
Под утро умер рыжий конь —
и выгреб я золу — из сердца.

* * *

Зияет трещина — в соборе,
сочится — мертвая вода,
но это, я скажу, не горе,
но это все же не беда.

Душа взыскует одиноко
под крышей света и любви,
хочу, чтоб у раскрытых окон
о счастье пели соловьи.

Но почему-то суеверней
смотрю на голубой простор...
Сойди звездой невечерней
на мой седеющий костер.

РОДОВЫЕ КОРНИ

Дом родной — далеко, за немислимой бездною звезд,
за пустыней, за морем, под охраной надежного Бога.
И однажды, устав от земных перегрузок и верст,
я вернусь навсегда — и застыну свечой у порога...

Успокоив волнение, в знакомую дверь постучусь
и услышу в ответ: — Заходите, все дома. — И это
сердце болью пронзит, но я с неба на землю спущусь
и войду в коридор, освещенный привычно вполсвета.

Мать, узнав во мне сына, руками по-птичьи взмахнет
и заплачет, заплачет, — сугробом на стул оседая,
а отец, своей грудью закрывший в бою пулемет,
просто руку протянет и скажет: здорово, кровинка родная!

Сядем дружно за стол, где яичница, дичь и стряпня,
и — до ночи глубокой продлится о жизни беседа,
и — теплом и покоем наполнится грудь у меня,
будто пригоршню выпью брусничного звездного лета.